

Появление, становление и развитие института примирения сторон как средства разрешения уголовно-правовых конфликтов имеет давнюю историю. Истоки примирения первоначально были заложены в обрядах, а позднее нашли отражение и в памятниках права. При этом об урегулировании споров путем примирения упомянуто практически во всех крупных памятниках русского права – от Русской Правды до Судебных уставов 1864 г. Таким образом, настоящее исследование охватывает развитие института примирения в России с древнейших времен до конца XIX века, когда обычаи побратимства и отказ от кровной мести сменяются процедурой испрошения прощения и подачей мирового прошения.

Показано, как усложнение общественных отношений постепенно изменяло отношение к преступлению, если первоначально оно воспринималось как нанесение обиды конкретному человеку, а с усилением государственной власти как противоправный акт, нарушение норм, установленных государством, где главным потерпевшим почти всегда считается последнее. Это, соответственно, сказалось на изменении отношения и к институту примирения – от стимулирования нормотворца к мирному урегулированию сторонами уголовно-правовых конфликтов до установления запрета примирения по большинству категорий уголовных дел.

Ключевые слова: примирение сторон; примирительные процедуры; разрешение уголовно-правовых конфликтов; потерпевший, дела частного обвинения.

Елена Викторовна Попаденко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Северо-Западный институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Вологда, Россия;
popadenkoev@yandex.ru

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

Введение. Социальные конфликты существуют на протяжении всего развития общества, поэтому естественно полагать, что параллельно с развитием человека эволюционировали и трансформировались механизмы разрешения конфликтных ситуаций. В каждой правовой культуре постепенно выработались собственные примирительные процедуры, не являясь исключением и Россия.

Памятники средневековой Руси о примирении сторон. Первым упоминанием о применении примирения при разрешении споров у славянских народов, как отмечает Е. А. Рубинштейн, является обряд «побратимства» [9, с. 11]. В этой связи Г. Мэйн приводит следующий пример данного обычая у восточно-европейских славян: заключение «кумовства по невзгоде», то есть вступление в отношения духовного родства, с тем чтобы прекратить кровную месть» [7, с. 199]. По мнению М. Лавренченко,

заключение союза побратимства не обязательно являлось составной частью личной дружбы, и часто было вызвано социальной или юридической необходимостью [5 с. 314].

Первый дошедший до нас писанный памятник права Русская Правда упоминает о следующем способе разрешения спора – «...не будет кто мстыя, то 40 гривен за голову...» (ст. 1), «...сего не постигнуть, то платити ему, то ту конец» (ст. 3)¹, то есть говорит о мести и выкупе альтернативно и предоставляет обиженному право выбора простить и примириться с обидчиком или воспользоваться правом кровной мести. Такая интерпретация приведенных норм находит подтверждение в договоре с немцами одного из смоленских князей (имя неизвестно), заключенном в период 1230 – 1270 г.: «Оже имуть русина вольного о у вольное жены в Ризе или на Гтьском березе, оже о убьють, и тот о убить; паки же не о убьют, платити ему 10 гривен серебра» [12, с. 453]. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что Русская Правда учитывала желание потерпевшего при выборе средств разрешения уголовно-правового конфликта: он имел право мстить или отказаться от мести с некоторым возмещением за причиненный вред. Таким образом, отказ потерпевшего от кровной мести, по нашему мнению, может выступать одной из самых древних форм примирительных процедур.

М. Ф. Владимирский-Буданов также указывал на то, что у многих народов на протяжении долгого периода времени допускались мировые сделки по уголовным делам [2, с. 390]. При этом стороны могли как непосредственно заключить между собою соглашение, так и прибегнуть к помощи посредников (едначей). Как правило, условием заключения таких мировых являлся денежный выкуп, соединенный с испрошением прощения у потерпевшего. Так, в памятнике конца XVII в. находим следующий пример процедуры испрошения прощения: «... ныне мы, не ходя в суд, поговоря промеж собой, сыскався в правдах, договорились на том, что приехать мне, Андреяну, в дом отца его Кондратя, и выдаться ему, Павлу головою... за его Павлово безчестье, при третьих» [14, с. 282].

Об урегулировании споров путем примирения упомянуто практически во всех крупных памятниках русского права. В частности, Двинская уставная грамота² (ст. 3) и Псковская судная грамота³ (ст. 80) предусматривали возможность примирения в случае драки: «промеж себе прощение возьмут». Можно предположить, что примирение с потерпевшим было возможно и по другим видам преступления. Например, И. Д. Мартысевич, анализируя текст ст. 52 Псковской судной грамоты, полагал, что примирение имело место в случае кражи или разбоя, если истец отказывался от предъявленного к виновному иска [6, с. 163]. Следует отметить, что в рассматриваемый период еще не произошло четкого разделения гражданских

---

¹ Русская Правда. Краткая редакция // Древнерусское государство и право / под ред. Т. Е. Новицкой. М., 1998. С. 61.

² Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 181 – 182.

³ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 331 – 342.

и уголовных дел друг от друга, видимо, поэтому примирение активно применялось во всех видах правоотношений, включая преступления.

Впрочем, уже в этот период нормотворец делает попытку выделить группу преступлений, по которым запрещалось заключение мирных Так, ст. 7 Псковской судной грамоты категорически говорит: «А кримскому татю и коневому, и переветнику, и зажигальнику, тем живота не дати». В приведенной правовой норме мы видим, что законодатель сформулировал свое предписание в безальтернативной форме, то есть к преступнику можно было применить только наказание в виде смертной казни. Также Псковская судная грамота и Двинская судная грамоты содержали прямой запрет примирения с преступниками, схваченными с поличным. Например, в тексте Двинской судной грамоты читаем: «А самосуда четыре рубли; а самосуд то: кто изымав татя с поличным, да отпустит, а себе посул возьмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд, а опричь того самосуда нет» (ст. 6).

Стремясь склонить стороны к примирению нормотворец предусматривал меньший размер пошлины. Например, в ст. 9 Белозерской уставной грамоты устанавливалось: «А будет суд перед наместниками и перед тиунами о рубле, и захотят помириться, пусть дадут наместникам гривну, и тиунам и доводчикам – все пошлины. А досудят наместники и тиуны о рубле до поля, но захотят помириться, то дадут они наместникам гривну, и тиунам и доводчикам – все пошлины; <...> А побьются на поле, и наместники велят на виноватом истцовое доправить, то на себя велят взять противень против истцового, а тиунам и доводчикам – все их пошлины»⁴. Стороны конфликта могли примириться только до начала «поля» (то есть судебного поединка), что, по мнению Е. А. Симоновой, свидетельствует об отсутствии уголовно-процессуальных отношений [15]. Это позволяет нам сделать вывод о первоначально материально-правовой природе примирения с потерпевшим.

Судебники 1497 г.⁵ и 1550 г.⁶ также допускали примирение сторон, но речь уже шла о возможности примирения не только до обращения в суд, но и после начала судебного разбирательства – «поля». При этом в последнем случае стороны не освобождались от уплаты пошлин: «А досудятся до поля, да не став у поля, да помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и подьячему, и неделщику пошлин полевых не имати» (ст. 9, Судебник 1550 г.); «А у поля став помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку имати пошлины по тому ж росчету; а околничему имати полевых пошлин четверть рубля, а дьяку четыре алтыны, а подьячему денга, а неделщику имати четверть рубля, да неделщику ж имати вящего по два алтына...» (ст. 10, Судебник 1550 г.). Надо полагать, что появление норм с таким подробным изложением уплачиваемых по-

---

⁴ Белозерская уставная грамота 1488 года // Российская юстиция. 2006. № 10. С. 60.

⁵ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 54 – 62.

⁶ Там же. С. 97 – 120.

шлин также было попыткой средневекового законодателя борьбы со взяточничеством – взятый «лишек» возвращался должностными лицами в тройном размере.

Уже в тексте Судебника 1497 г. прослеживается стремление государственной власти взять на себя инициативу в деле борьбы с преступностью, расширяется перечень составов преступлений, по которым не допускалось примирение сторон. В качестве примера приведем, ст. 8: «А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое какое дело, и будет ведомо лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети до правитии зего статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе». Судебник 1589 г. к перечисленному перечню добавил такого состава преступления как «подписку ручную, или кабалную»⁷ (ст. 113).

В Уставной книге разбойного приказа (редакция 1566 г.) также можно увидеть, что если кто начнет иск против разбойников и «татей ведомых», а затем объявит о своем примирении, то такая мировая не имеет юридической силы [2, с. 392]. В Уставной книге более поздней редакции (1617 г.)⁸ мировые по указанным категориям дел вообще запрещались под угрозой наказания: «а истцам за то пеня чинит» (ст. 41). Аналогичный запрет виден и в тексте Указа о запрещении заключать мировые с разбойниками помимо суда (9 июня 1646 г.) – «и... татем и разбойником Указ чинить по прежнему Уложению, хто чего доведетса; а исцом за то пеня чинить, смотря по делу»⁹, то есть за нарушение к потерпевшему применялись штрафные санкции.

Несмотря на прямой запрет примирения по отдельным составам преступлений данная традиция сохранялась. Так, в 1640 г. в Белозерске крестьянин Омрос в результате драки убил священника Луку. На шум прибежал брат убитого Никандр. Позднее Никандр заключил с Омросом мировую, в которой написано: «И мне (Никандру) впред на Омросе с товарищи не искать, в головных деньгах и в похоронных государю челом не бить, кроме государевых пенных, а пени что государь укажет, а я с детьми то дело отдали Богу судить, в чем я с своими детьми и мировую запись дали Омросу с товарищи» [13, с. 392].

Достаточно подробно право сторон на примирения регламентировалось в Соборном уложении 1649 г.¹⁰ Так, в главе X «О суде» закреплена следующая процедура: стороны могли примириться «до совершения судебных дел» в подтверждение своего состоявшегося примирения они должны были представить суду «мировые челобитные за своими руками» (ст. 121); запрещалось повторное рассмотрение дела, завершившегося примирением (ст. 154); в случае совместного нанесения «обиды», примирение потер-

⁷ Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900. С. 32.

⁸ Уставная книга разбойного приказа // Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Владимировский-Буданов. 3-е изд. СПб., 1889. С. 43 – 77.

⁹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. С. 215.

¹⁰ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 83 – 257.

певшего с одним из обидчиков не освобождало от ответственности остальных (ст. 184). Вместе с тем как и в предыдущих памятниках права запрещалось примирение с «розбойники или с приводными людьми с поличным в розбойных делех» (ст. 31 гл. XXI «О розбойных и о татиных делех») до решения дела судом.

Примирение с потерпевшим в Российской империи. В начале XVIII века, наряду с еще действовавшим Соборным Уложением 1649 г., стали применяться многочисленные указы Петра I, которые еще более сузили возможность примирения сторон. Так, по меткому замечанию А. Ф. Бернера, частная воля была сглажена – место права примирения заняла обязанность доноса [1, с. 906–907]. В петровский период примирение сторон учитывалось только как обстоятельство, смягчающее наказание. Например, в артикуле 170 Артикула воинского 1715 г. видим: «...Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет, и с нею помиритца ... то мочно наказание умалить»¹¹.

О примирении упоминается и в других нормативных актах указанного периода. Так, Патент о поединках¹² предписывал обиженному немедленно сообщить об учиненной обиде (ст. 2), в то же время разрешается «бить челом, или помиритца» (ст. 8). Это же мы видим в Манифесте о поединках Екатерины II 1787 г.¹³: примирение до предъявления иска погашает право иска (ст. 21), равным образом и после возбуждения уголовного преследования «не запрещается от оного отстать» (ст. 19). Таким образом, речь шла только об одной разновидности преступлений, для которых в законодательстве продолжало сохраняться право потерпевшего прекратить уголовное разбирательство примирением сторон. Последующее законодательство не внесло ничего нового в вопрос о примирении с потерпевшим. Свод законов 1832 г. ограничился кодификацией тех положений, какие имелись в Воинском уставе и Манифесте о поединках.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. значительно расширило круг преступлений, преследуемых только по жалобе потерпевшего и подлежащих прекращению за примирением сторон. В литературе отмечается, что именно эта группа уголовных дел стала прообразом дел частного обвинения [8, с. 270]. Так, в рассматриваемую категорию дел попадали неповиновение крепостных людей своим господам (ст. 1908); нанесение оскорбления (ст.ст. 2008 – 2016); клевета, распространение ругательных или других оскорблений для чести сочинений, изображения или слухов (ст.ст. 2017 – 2024); высказывание угроз (ст.ст. 2035 – 2039), вступление в брак через насилие, угрозы или обман (ст. 2041), прелюбодеяние (ст. 2077), отказ детей от содержания родителей (ст. 2086), кражи между родителями и детьми, между супругами (ст.ст. 2146 – 2171), воровство-мошенничество между родителями и детьми и между супругами (ст.ст. 2172 – 2187) и др. Однако из этой категории

¹¹ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 327 – 365.

¹² Устав воинский 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. V. СПб., 1830. С. 260 – 264.

¹³ Манифест Екатерины II от 21 апр. 1787 г. СПб., 1787.

дел исключались специально предусмотренные в ст. 162 случаи (например, не допускалось примирение в случаях оскорбления своего начальника). При этом перечень составов дел частного обвинения постоянно менялся, а впоследствии, с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, и вовсе регулирование данного вопроса было отнесено к числу уголовно-процессуальных вопросов.

Так, ст.ст. 35 и 120 Устава уголовного судопроизводства возложили на мирового судью обязанность склонять стороны к миру по таким видам преступлений, а случаи оставления судом без внимания заявления сторон о примирении были отнесены к числу существенных нарушений «обрядов и форм» судопроизводства, влекущих отмену приговора (ст.ст. 174, 534 Устава). Упоминается о примирении и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., в ст. 20 которого читаем: «проступки, означенные в статьях 18 и 19-й, не влекут за собой наказания в случае примирения обиженного или потерпевшего убыток с виновным в проступке лицом». В частности, к упомянутым выше проступкам относились: нарушение уставов строительного и путей сообщения; оскорбление, обида действием, клевета, угроза насилием; самовольное пользование чужим имуществом и повреждение оно; кража, мошенничество и присвоение чужого имущества между супругами, а также между родителями и детьми. При этом по разъяснению Сената (Циркулярный указ Уголовного кассационного департамента 11 апреля 1878 г.), мировым судьям необходимо было не только формально выполнять обязанность по призыву сторон к примирению, но с надлежащим усердием, «сыскивая и предлагая способы примирения, наиболее соответственные положению каждой из сторон и взаимным их отношениям» [16, с. 1410–1411].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что примирение рассматривалось законодателем как право частного обвинителя отказаться от принадлежавшего ему права уголовного преследования виновного. При этом условия примирения законом не оговаривались. На этой почве на практике возникали разногласия. В одном из своих решений Сенат разъяснил, что «для производства по мировым прошениям <...> существует особый порядок, установленный именно с целью получения безошибочного убеждения в том, что мировое прошение выражает действительную волю сторон» [17, с. 305–306]. В соответствии с другими разъяснениями Сената установления обоюдности согласия на примирение не требовалось [17, с. 306].

Отметим, что особо широкое распространение практика примирения получила в крестьянской среде, где даже в XIX веке правоотношения регулировались посредством неписаных правил и обычаев. Немало свидетельств тому можно найти в этнографических материалах. Так, корреспондент Ф. Н. Данилов в своих записках зафиксировал частые случаи заключения мировых сделок в Авнегской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии [10, с. 63], а по данным корреспондента С. А. Дилакторского эта цифра доходила до 75 % [10, с. 482]. Наибольшее число случаев примирения сторон происходило по преступлениям, посягающим на здоровье (побои, нанесение ран и увечий), честь (оскорбление действием или словом), собственность. Встречались даже случаи примирения при совер-

шении изнасилования. Например, в Любимском уезде Ярославской губернии крестьянин Н. К. изнасиловал работавшую у него Анну, девятнадцати лет, однако стороны «смирились», – Н. К. сшил потерпевшей девушке новое пальто и платье, а родителям ее выдал пятьдесят рублей [11, с. 20].

Обязанность примирения сторон также возлагалась на волостные суды (ст. 107 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г.¹⁴). Так, в деле о краже двух пар онуч у крестьянки А. крестьянкой Т. волостной суд предложил сторонам мировую сделку, на что стороны согласились [18, с. 24]. В случае неявки сторон на судебное заседание, дело прекращалось и также считалось решенным за примирением сторон. Например, крестьянка Мария Колникова обвиняла крестьянина Никиту Колникова в оскорблении и нанесении побоев. В назначенное время в суд никто из сторон не явился, и дело было прекращено за примирением сторон [3, с. 287]. А. Е. Мерцалов в своих заметках из Заднесельской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии в 1897 – 1901 гг. отмечал, что «нарушение ... мировой сделки не одобряется народом: «А кто его пехал мириться? Сам захотел, да опять в суд полез?» [10, с. 678–679].

Следует оговориться, что в так называемых «национальных окраинах», а также местностях компактного проживания народов, сохранявших традиционное устройство и институты власти (например, народы Кавказа), наряду с законодательством продолжали действовать собственные правовые обычаи, в том числе примирительные процедуры. Например, «суд мазалим» у таджиков, аталычество у абхазов [7, с. 89–90].

Заключение. Подводя итог, можно резюмировать, что интересы населения России всегда были устремлены к активному применению примирительных процедур, и в законодательстве прослеживаются попытки регулирования такого способа разрешения уголовно-правовых конфликтов. Вместе с тем состояние законодательного закрепления примирительных процедур непосредственным образом было связано с существовавшим политическим режимом – развитие демократических институтов способствовало созданию условий для самостоятельного разрешения сторонами уголовно-правового конфликта; при сосредоточении всей полноты власти в руках одного лица и установление им контроля над всеми сферами жизни общества такое правовое явление, как примирение сторон, уже не являлось востребованным.

Список литературы

1. **Бернер А. Ф.** Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. Часть Общая. СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
2. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.

---

¹⁴ См.: Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 7 / под ред. О. И. Чистякова. М., 1989. С. 37 – 77.

3. **Ерин П. В.** Крестьянское правосудие начала XX века // Проблемы техногенной безопасности и устойчивого развития: сб. науч. статей молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. II. Тамбов, 2011. С. 284 – 288.
4. **Ефремова Н. Н.** Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) // Государство и право. 2011. № 7. С. 84 – 90.
5. **Лавренченко М.** Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие // *Colloquia Russica. Series I, vol. 7: Rus' and the world of the nomads (the second half of the 9th–16th centuries)*. Krakow, 2017. С. 313 – 323.
6. **Мартысевич И. Д.** Псковская судная грамота: Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1951. 208 с.
7. **Мэйн Г.** Древний закон и обычай: исследования по истории древнего права. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1884. 312 с.
8. **Очерки** развития российского уголовно-процессуального законодательства / под науч. ред. И. В. Смольковой. М.: Юрлитинформ, 2011. 392 с.
9. **Рубинштейн Е. А.** Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
10. **Русские крестьяне.** Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2002. 840 с.
11. **Русские крестьяне.** Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. СПб.: Навигатор, 2006. 552 с.
12. **Русско-Ливонские акты** / сост. К. Е. Напьерский. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1868. 479 с.
13. **Сергеевич В. И.** Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 680 с.
14. **Сергеевский Н. Д.** Наказание в русском праве XVII века. СПб.: Изд. кн. магазина А. Ф. Цинзерлинга, 1887. 300 с.
15. **Симонова Е. А.** Примирение с потерпевшим в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 25 с.
16. **Таганцев Н. С.** Курс уголовного права: лекции. Часть общая. Т. II. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 816 – 1460.
17. **Фельдштейн Г. С.** Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Тип. В. Рихтер, 1915. 433 с.
18. **Чепурной К.** К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции Тамбовской губернии. Киев: Университетская тип., 1874. 37 с.

References

1. **Berner A.F.** *Uchebnyk ugolovnogo prava: Chast' obshchaya. Chasti obshchaya i osobennaya: s primechaniyami, prilozheniyami i dopolneniyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu. T. 1. Chast' Obshchaya* [Textbook of criminal law: General part. Parts general and special: with notes, appendices and additions on the history of Russian law and positive legislation. Part 1. Part General], St. Petersburg: Tipografiya N. Tiblena i komp., 1867, 940 p. (In Russ.).
2. **Vladimirskiy-Budanov M.F.** *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law], Moscow: Territoriya budushchego, 2005, 800 p. (In Russ.).
3. **Yerin P.V.** [Problems of technogenic safety and sustainable development], *Sbornik nauch. statey molodykh uchenykh, aspirantov i studentov* [A Collection of

scientific articles by young scientists, graduate students and students], Issue II. Tambov, 2011, pp. 284-288. (In Russ.).

4. **Yefremova N.N.** [The tradition of reconciliation in the history of customary law and legislation of Russia (pre-revolutionary period)], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2011, no. 7, pp. 84-90. (In Russ.).

5. **Lavrenchenko M.** [Twinning in medieval Russia: the influence of traditions and their perception], *Colloquia Russica*, Series I, v. 7: *Rus' and the world of the nomads (the second half of the 9th–16th centuries)*, Krakow, 2017, pp. 313-323. (In Russ.).

6. **Martysevich I.D.** *Pskovskaya sudnaya gramota: Istoriko-yuridicheskoye issledovaniye* [Pskov court letter: Historical and legal research], Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1951, 208 p. (In Russ.).

7. **Meyn G.** *Drevniy zakon i obychay: issledovaniya po istorii drevnego prava* [Ancient law and custom: research on the history of ancient law], Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1884, 312 p. (In Russ.).

8. **Smol'kova I.V. (Ed.)** *Ocherki razvitiya rossiyskogo ugovovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Essays on the development of Russian criminal procedure legislation], Moscow: Yurlitinform, 2011, 392 p. (In Russ.).

9. **Rubinshteyn Ye.A.** *Extended abstract of Candidate's of Legal Thesis*. Moscow, 2004, 24 p. (In Russ.).

10. **Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrvy: materialy Etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva. V. 5. Vologodskaya guberniya. Part 2. Gryazovetskiy i Kadnikovskiy uyezdy** [Russian peasants. Life. Gen. Mores: materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev. Vol. 5. Vologda province. Part 2. Gryazovetsky and Kadnikovsky districts], St. Petersburg: Delovaya poligrafiya, 2002, 840 p. (In Russ.).

11. **Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrvy: materialy "Etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva". V. 2. Yaroslavskaya guberniya. Part 2** [Russian peasants. Life. Gen. Mores: materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev. Vol. 2. Yaroslavl province. Part 2], St. Petersburg: Navigator, 2006, 552 p. (In Russ.).

12. **Nap'yerskiy K.Ye. (Comp.)** *Russko-Livonskiye akty* [Russian-Livonian acts], St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1868, 479 p. (In Russ.).

13. **Sergeyevich V.I.** *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law], St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1910, 680 p. (In Russ.).

14. **Sergeyevskiy N.D.** *Nakazaniye v russkom prave XVII veka* [Punishment in Russian law of the 17th century], St. Petersburg: Izd. kn. magazina A. F. Tsinzerlinga, 1887, 300 p. (In Russ.).

15. **Simonova Ye.A.** *Extended abstract of Candidate's of Legal Thesis*. Saratov, 2002, 25 p. (In Russ.).

16. **Tagantsev N.S.** *Kurs ugovovnogo prava: lektsii. Chast' obshchaya* [Course of criminal law: lectures. The part is common], v. II. St. Petersburg: Gos. tip., 1902, pp. 816-1460. (In Russ.).

17. **Fel'dshteyn G.S.** *Lektsii po ugovovnomu sudoproizvodstvu* [Lectures on criminal proceedings], Moscow: Tipografiya V. Rikhter, 1915, 433 p. (In Russ.).

18. **Chepurnoy K.** *K voprosu o yuridicheskikh obychayakh: ustroystvo i sostoyaniye volostnoy yustitsii Tambovskoy gubernii* [On the issue of legal customs: the structure and state of the volost justice of the Tambov province], Kiev: Universitetskaya tip., 1874, 37 p. (In Russ.).

**Institute of Reconciliation
in the History of Russian Criminal Justice
(Pre-Revolutionary Period)**

E. V. Popadenko, *Cand. Sci. (Law), Assistant Professor,
Department of State and Legal Disciplines,
North-West Institute (branch) of O. E. Kutafin University (MSAL),
Vologda, Russia;
popadenkoev@yandex.ru*

The emergence, formation and development of the institution of reconciliation of the parties as a means of resolving legal conflicts have a long history. The origins of reconciliation were primarily laid down in rituals, and later were reflected in laws. At the same time, the institution of reconciliation is mentioned in almost all major history law documents - from Russian Truth to the Judicial Statutes of 1864. Thus, the article shows the development of the institution of reconciliation in Russia from ancient times to the end of the 19th century. The traditions of brother-making and refusal of blood feud are replaced by the procedure for apologizing and filing a reconciliation petition.

The article shows how the complication of social relations gradually changed the position towards crime – firstly it was perceived as an insult to a person, but with the strengthening of state power it was seen as an unlawful act, violation of the norms established by the state, where the latter is almost always considered the main victim. This, accordingly, affected the change in attitudes towards the institution of reconciliation – from stimulating the rule-maker to the peaceful settlement of criminal-legal conflicts by the parties to the establishment of a ban on reconciliation in most categories of criminal cases.

Keywords: reconciliation of the parties; conciliation procedures; resolution of criminal law conflicts; victim; cases of private prosecution.

© E. В. Попаденко, 2021

Статья поступила в редакцию 07.03.2021

При цитировании использовать:

Попаденко Е. В. Институт примирения в истории российской уголовной юстиции (дореволюционный период)// Право: история и современность. 2021. № 3(16). С. 25 – 34. doi: 10.17277/pravo.2021.03.pp.025-034